

Глава I

МИФ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Говорят, что все люди ищут смысл жизни. Я не думаю, что на самом деле это так. На мой взгляд, мы ищем возможность быть действительно живыми, чтобы наш жизненный опыт на чисто физическом уровне резонировал с нашим внутренним «Я» и реальностью и чтобы мы испытывали восторг от того, что живем на свете.

МОЙЕРС: Почему именно мифы? Какое нам дело до них? Какое отношение они имеют к моей жизни?

КЭМПБЕЛЛ: Ответ лежит на поверхности: «Давайте, живите своей жизнью, вам хорошо живется, вам не нужна мифология». Я не верю в интерес к какому-либо предмету только потому, что он считается важным. Верю в то, что он, этот предмет, так или иначе захватил вас. Возможно, с самых первых шагов окажется, что мифология «зацепила» вас. Если такое произойдет на самом деле, что это значит для вас?

Одна из наших сегодняшних проблем заключается в том, что мы плохо знакомы с духовной литературой. Нас интересуют новости дня и сиюминутные проблемы. Когда-то университетские кампусы были своего рода абсолютно закрытыми зонами, куда новости дня не проникали и не отвлекали ваше внимание от внутренней жизни и от нашего величайшего насле-

дия: от Платона, Конфуция, Будды, Гёте и других, которые говорили о вечных ценностях, имеющих самое непосредственное отношение к нашей жизни. В более зрелом возрасте, выполнив все свои дневные обязательства, вы обращаетесь к внутренней жизни. Если вы не знаете, как это сделать или что это такое, вы огорчаетесь. Когда-то все получали образование, составной частью которого были греческий и латинский языки и библейская литература. Теперь, когда с этим покончено, утрачена и традиционная информация о западной мифологии. Когда-то эти мифы знали все. Если ты знаешь миф, то видишь его связь с тем, что творится в твоей собственной жизни. Он дает тебе возможность взглянуть на то, что происходит с тобой. Утратив знание мифов, мы лишились чего-то важного, потому что литературы, способной занять их место, нет. Эти частицы информации, дошедшие до нас из глубокой древности и имевшие непосредственное отношение к темам, поддерживавшим жизнь людей, в течение многих веков создавали цивилизации и питали религии, обращаясь к глубоким внутренним проблемам, внутренним тайнам, внутренним «дорожным» знакам, а если таких знаков нет на твоём пути, ты вынужден прокладывать его сам. Но если только все это захватит тебя, то ты испытаешь такой прилив душевных сил, что тебе не хочется расставаться с ним.

МОЙЕРС: Значит, мы рассказываем истории, чтобы примириться с миром, гармонизировать наши жизни с реальностью?

КЭМПБЕЛЛ: Думаю, да. Именно так. Романы — великие романы — могут многому научить. Когда мне было двадцать, тридцать и даже сорок лет, моими

учителями были Джеймс Джойс и Томас Манн. Можно сказать, что они оба следовали мифологическим традициям. Возьмите в качестве примера историю Тонио из новеллы Томаса Манна «Тонио Крегер». Отец Тонио был успешным бизнесменом, известным в своем родном городе. Однако у маленького Тонио был артистический темперамент, и он отправился в Мюнхен, где присоединился к группе начинающих литераторов, считавших себя выше тех, кто зарабатывал деньги и содержал семьи.

В результате Тонио оказался между двух полюсов. С одной стороны, его отец, хороший отец, ответственный и все такое, но он никогда в жизни не делал того, чего хотел. И с другой — тот, кто, покинув родной город, начинает критиковать такую жизнь. Однако Тонио обнаруживает, что на самом деле любит жителей своего родного города. Он считает, что превосходит их в интеллектуальном плане, и описывает их весьма нелестно, но тем не менее его сердце принадлежит им. Покинув родной город и приобщившись к богеме, он быстро убедился в надменности этих людей и понял, что с ними он тоже жить не может. Он уехал, а потом написал письмо одному из мюнхенских знакомых: *«Я восхищаюсь холодными гордцами, что шествуют по тропе великой, демонической красоты, презирая человека, но не завидую им. Ведь если что и может сделать из литератора поэта, то как раз именно моя бюргерская, обывательская любовь к человеческому, живому, обыденному. Все тепло, вся доброта, весь юмор идут от нее, и временами мне кажется, что это и есть та любовь, о которой в Писании сказано, что человек может говорить языком человеческим и ангельским,*

но без любви голос его все равно останется гудящей медью и кимвалом бряцающим»¹.

Далее он пишет: «Писатель должен быть верен правде».

Но это же убийство. Потому что единственная возможность правдиво описать человека — описать его недостатки. Совершенный человек неинтересен — Будда, покинувший мир. Только несовершенства жизни достойны любви. И когда писатель посылает стрелу — слово правды, — она причиняет боль. Но она несет любовь. Именно это — любовь к тому, что ты убиваешь своим жестоким, аналитическим словом, — Манн называл «эротической иронией».

МОЙЕРС: Я бережно храню образ моего родного города; чувство, которое я испытываю к нему, не зависит от того, как давно я уехал оттуда, и от того, вернусь ли я туда. Ведь именно там вы впервые открыли для себя людей. Но почему вы говорите, что любите людей за их несовершенство?

КЭМПБЕЛЛ: Разве мы любим детей не за то, что они постоянно падают, и у них тела маленькие, а головы слишком большие? Разве Уолт Дисней не знал всего этого, когда рисовал своих гномов? А эти маленькие собачки, которые есть у многих? Их же любят за то, что они так несовершенны.

МОЙЕРС: Совершенство было бы скучным, не так ли?

КЭМПБЕЛЛ: Конечно. И бесчеловечным. Что связывает всех людей? То, что делает вас человеком, а не сверхъестественным и бессмертным существом, именно это и любят. Вот почему некоторым людям

¹ Перевод Наталии Манн. — *Примеч. пер.*

очень трудно любить Бога: у Него нет недостатков. Вы можете испытывать священный трепет, но не настоящую любовь. Христа полюбили, когда Его распяли на кресте.

МОЙЕРС: Что вы имеете в виду?

КЭМПБЕЛЛ: Страдание. Страдание — это несовершенство, не так ли?

МОЙЕРС: История человеческих страданий, устремлений, жизни...

КЭМПБЕЛЛ: ...и юности, которая познает саму себя, через что ей и нужно пройти.

МОЙЕРС: Прочитав такие ваши книги, как «Тысячеликий герой» или «Маски Бога», я понял, что в мифах отражено то, что присуще всем людям. Мифы — это рассказы о том, что с древнейших времен до наших дней мы ищем истину, цель, смысл жизни. Мы все нуждаемся в том, чтобы рассказывать свои истории и понимать их. Мы все нуждаемся в том, чтобы понимать смерть и примиряться с ней. Чтобы пройти путь от рождения до смерти, мы все нуждаемся в помощи. Нам нужно, чтобы наша жизнь соприкасалась с вечностью, нужно понять таинственное и выяснить, кто мы такие.

КЭМПБЕЛЛ: Говорят, что все люди ищут смысл жизни. Я не думаю, что на самом деле это так. На мой взгляд, мы ищем возможность быть действительно живыми, чтобы наш жизненный опыт на чисто физическом уровне резонировал с нашим внутренним «Я» и реальностью и чтобы мы испытывали восторг от того, что живем на свете. В конечном счете дело именно в этом, и эти ключи помогают нам найти ответы внутри себя.

МОЙЕРС: Мифы — это ключи?